

человек – «солдат, живущий свободно от устава»; *честняк* – «солдат, честно соблюдающий написанные традиции».

Таким образом, без преувеличения можно сказать, что анализ ментальной функции военного сленга позволяет наиболее полно понять представления солдат срочной службы об окружающей их действительности, месте, которое они занимают в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серебrenников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление.– М.: Наука, 1988.– С. 269.
2. Щербакoвa O. И., Бpуeвa E. T. Социально-кoрпoративная лексика. Словарь жаргона преступников: Учеб. пособие. – Минск: Изд-во Акад. МВД.– 210 с.
3. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы.– Одинцово: Края Москвы, 1992.– С. 354-398.
4. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты.– Л.: Худож. литер., 1936. - 296 с.
5. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США.– М.: Наука, 1983.–215 с.
6. Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи // Русский текст: СПб., 1993.– №1.– С. 139-169.

Поступило в редакцию 22.03.2002 г.

*Жданова Н.А., Усиков В.А.
(Донецк, Украина)*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДИСКУРСА И ЕГО ТРАНСКОДИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА

Большинство лингвистов, которые придерживаются диалектической концепции во взглядах на язык и общество, считает, что «язык – это часть общества и лингвистические явления, это социальные феномены особого рода, а социальные явления являются частично лингвистическими». Фзарклаф писал: «Язык и общество частично формируют друг друга, поэтому анализ языка как независимой (автономной) системы противоречит понятиям языкознания».

Дефиниция дискурса как «языкового использования» характерна для функционального подхода в лингвистике. Дискурс рассматривается как система (социально и культурно организованный способ говорения), посредством которой реализуются отдельные функции. Хотя формальные правила могут изучаться, функционалистская дефиниция дискурса уводит аналитиков от структурной основы подобных правил и фокусирует внимание на способе, посредством которого разговорные шаблоны (образцы) внедряются в речевые акты для определенных целей и в определенном контексте и/или на том, какой эффект они имеют в результате применения коммуникативных стратегий. Функциональный подход полагается не на жесткие грамматические характеристики высказывания как предложения, а на способ, посредством которого высказывание помещается в контекст те

Например, Гофман (1981) предполагает, что разговорное взаимодействие требует два набора условий: системные условия (также называемые ограничениями, потому что они накладывают определенные ограничения на то, что может быть сказано или сделано) ставят во главу угла механические требования к речевому взаимодействию (например, двусторонняя способность передавать акустически адекватные и интерпретируемые сообщения, способность давать обратную связь, контактные сигналы, возвратные сигналы и т.д.) и ритуальные условия. Ритуальные ограничения, с другой стороны, концентрируют внимание на межличностных требованиях к разговору (например, управление собой и другими, направленное на то, чтобы не нарушать соответствующие стандарты, касающиеся вашего собственного понимания данного значения). Различные способы актов (действий), включая вербальные акты, но не ограничиваясь только ими, могут обслуживать системные и ритуальные ограничения. И если так происходит, мы можем сказать, что они служат функциональными требованиями разговорной коммуникации.

Одну из общих схем функционального подхода к анализу дискурса предложил Роман Jakobson (1960). Jakobson выделяет шесть языковых функций, которые можно определить по способу, посредством которого высказывания могут быть связаны с различными компонентами речевой ситуации или контекста. Ниже приведена эта схема, в которой каждому ситуативному компоненту соответствует определенная функция.

Адресант – эмоциональная

Контекст – справочная

Контакт – фактическая

Послание – поэтическая

Код – металингвистическая

Адресат – конативная

Схема Jakobsona дает четкое представление о языковых функциях в речевой ситуации. Воззрения Jakobsona на речевую ситуацию включают понимание языка как просто одного из компонентов речевой ситуации и как одного из параметров речи. Таким образом, основой металингвистической функции является «код», а основой эмоциональной и конативной функций являются адресант и адресат.

Jakobson также утверждал, что высказывание выполняет не одну функцию. Хотя конкретное высказывание может иметь «основную» функцию, наиболее типично для высказывания одновременно реализовать различные функции. Например, высказывание «Который сейчас час?» может иметь фактическую функцию (оно открывает контакт), эмоциональную функцию (оно передает потребность адресанта), конативную функцию (оно дает запрос адресату) и справочную функцию (оно связывает высказывание с миром вне языковой системы).

Другим вариантом данного подхода является концепция, предусматривающая начинать анализ с того, как конкретные элементы (например, высказывания или акты) используются, и после этого делаются выводы о более широких функциях этих элементов из подобного анализа. Другими словами, анализ необходимо начинать с наблюдения и описания самого высказывания и затем нужно попытаться вывести из анализа данного высказывания и его контекста правила о том, какие функции

выполняются и обслуживаются при помощи данных языковых явлений. Для иллюстрации вышеуказанных положений мы можем взять пример самого простого дискурса и рассмотреть, как происходит анализ дискурса с позиций функциональных воззрений на него – как на язык в процессе использования.

а) Are you free for lunch today?

б) I have to advise students all day.

В дополнение к тому, что мы идентифицируем этот дискурс как пару «вопрос/ответ», мы можем легко распознать, что высказывание используется для реализации определенных функций. Например: попытаться выполнить межличностные цели и передать социальные и экспрессивные значения. Хотя мы можем считать эти роли и значения вполне узнаваемыми, мы не можем проверить их без более обширных знаний о контексте языкового обмена, включая такую информацию, как родственный статус, отношения между ними, кто участники, их способ языкового взаимодействия, а также информацию об общепринятых значениях приглашения на ленч. Например, в некоторых социальных группах американского общества выражение «Let's have lunch some times» не рассматривается в действительности как приглашение пообедать вместе. Для того чтобы решить, какая функция была реализована, нам необходимо иметь очень большой массив информации о контексте языкового обмена.

Развитие научного понятия предполагает постоянное уточнение его содержания, выявление и описание его стыков со смежными дисциплинами. Это особенно актуально при изучении такого комплексного понятия, как дискурс, и его роли и места в переводческой деятельности. При анализе дискурса в процессе перевода необходимо учитывать, что задачи, которые ставит перед собой переводчик, способы решения этих задач и достигаемые результаты весьма неоднородны. В своей практической деятельности переводчик может заниматься не только «собственно переводом», но и осуществлять речевые действия иного порядка, так как указанное выше высказывание имеет полифункциональный характер. Переводчик обязан воспринимать, осмысливать и, что самое главное, передавать адресату все функции или смысловые оттенки конкретного высказывания.

Многие авторы считают, что воспроизведение коммуникативного эффекта является главным условием любого «правильного» перевода. Но в этом случае на первом плане в процессе перевода находится не столько «оригинал», сколько рецептор перевода. Поскольку реакция получателей сообщения зависит, главным образом, от характера, знаний и предыдущего опыта самих получателей, переводы одного и того же оригинала предназначенные для разных типов рецепторов, должны быть различны. И действительно, переводчики иногда идут на сознательные отклонения от оригинала во имя достижения желаемого эффекта на рецепторов перевода. В таких случаях ориентация на оригинал дополняется, а порой и заменяется ориентацией на определенный тип получателей. Теоретикам перевода приходилось для объяснения подобных факторов отказываться от принципа исчерпывающей передачи содержания и экспрессивно-стилистических особенностей оригинала и вводить при переводе понятие «динамической эквивалентности» (Ю. Найда) или «прагматической адаптации» (А. Нойберт). Понятно, что наличие «динамической эквивалентности»

следовало обнаруживать уже не сопоставлением с оригиналом, а путем проверки реакции получателей.

С точки зрения функциональной лингвистики, переводчик должен определить дискурс (или контекстуальное значение) высказывания или текста и трансформировать его таким образом, чтобы максимально передать не сам текст, а желаемый коммуникативный эффект.

Учитывая, что переводчик «работает» с готовыми текстами, его деятельность имеет вторичный, посреднический характер. Её значимость определяется, в первую очередь, тем, в какой степени она обеспечивает возможность общения между коммуникантами, пользующимися разными языковыми системами. Поэтому характер и результат действий переводчика определяются не его личными намерениями, а условиями и задачами межъязыковой коммуникации. Конечно, возможность выполнить поставленную цель зависит от таланта и уровня профессиональной подготовки переводчика, но эта цель и способы ее достижения задаются факторами, внешними по отношению к переводчику.

Таким образом, перевод обеспечивает межъязыковую коммуникацию путем создания на переводимом языке текста, выступающего в качестве полноценной замены оригинала. Однако далеко не во всех случаях общение между людьми, говорящими на разных языках, осуществляется при помощи перевода. Перевод является лишь одним из видов языкового посредничества (*Sprachmittlung*), при котором билингв-посредник в той или иной форме создает текст, ориентированный на иноязычный оригинал.

Общим для всех видов языкового посредничества является вторичный характер создаваемых текстов, предназначенных для репрезентации текста на другом языке. Однако, в отличие от перевода, другие способы такой репрезентации лишь частично воспроизводят оригинал, не создают ему коммуникативно-равноценной замены, не дают основания для полного отождествления разноязычных текстов. Иначе говоря, при передаче сообщения, содержащегося в оригинале, происходит некоторое изменение, адаптация передаваемого. Необходимость такой адаптации обусловлена особыми задачами, которые ставит перед собой билингв-посредник, тем типом межъязыковой коммуникации, который он стремится обеспечить. Эти задачи связаны либо с ориентацией на особый тип Рецепторов (стремление обеспечить понимание, практическое использование или необходимое воздействие создаваемого текста для указанной группы лиц), либо с заданным объемом и формой изложения извлеченной из оригинала информации. При решении этих задач происходит не только транскодирование информации с одного языка на другой, но и ее преобразование, с целью изложения в форме, определяемой не объемом и организацией этой информации в оригинале, а типом межъязыковой коммуникации. Эти виды языкового посредничества обычно именуется «перенос с переработкой содержания» (*inhaltbearbeitendes Übertragen*) или «адаптивное транскодирование» (*adaptives Übertragen*).

Поскольку при адаптивном транскодировании иноязычного текста информация, содержащаяся в тексте на одном языке, должна быть передана средствами другого языка, этот процесс носит параневодческий характер: он как бы совмещает в себе элементы перевода и преобразования информации. Теоретически адаптивное транскодирование можно осуществить в два этапа: сначала перевести оригинал, а затем проделать необходимые преобразования текста перевода.

Нередко переводчику приходится не только выполнять собственно переводческие функции, но и осуществлять различные виды адаптивного транскодирования. Порой же действия переводчика в процессе межъязыковой коммуникации выходят даже за рамки языкового посредничества. Различные виды парапереводческой деятельности в неодинаковой степени сохраняют близость к переводу и, соответственно, воспроизводят оригинал с большей или меньшей полнотой. Наиболее полно обычно воспроизводится содержание оригинала, но наличие адаптации исключает возможность смыслового отождествления создаваемого текста с оригиналом, не говоря уже об отождествлении структурном или функциональном. Уже само название конкретного вида адаптивного транскодирования указывает на то, что он не предназначен для полноправной замены иноязычного оригинала.

В несобственно переводческой деятельности переводчика можно выделить четыре основных случая.

1). Прежде всего отметим упрощающую адаптацию, в основе которой лежит функциональное транскодирование текста.

2). Второй вид адаптивного транскодирования можно назвать воздействующей адаптацией. В этом случае переводчик тоже ориентируется на определенную группу Рецепторов перевода, ставя себе цель добиться определенного воздействия на членов этой группы.

К информационно-преобразующим видам адаптации относятся:

3). Редукционно-описательная адаптация, которая преследует цель сообщить Рецептору о том, какого рода информация имеется в иноязычном тексте, не передавая содержание этой информации и не оценивая ее. Типичным примером подобной адаптации может служить краткое резюме на одном или нескольких иностранных языках, которое обычно приводится в конце или в начале статьи в научном журнале.

4). Редукционно-информативная адаптация, которая должна в сокращенной форме сделать доступным для читателя основное содержание оригинала. Таким образом, за переводчиком остается суперзадача не только понять текст и перевести его в узком смысле, но и транскодировать его, в соответствии с потребностями коммуникантов, и, избрав один из путей транскодирования, произвести нужный коммуникативный эффект, т.е. воссоздать дискурс, микровселенную смысла, систему, посредством которой могут реализоваться все функции высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Michael Stubbs: Discourse Analysis. В. Blackell, 1981.
2. R. Jakobson «Basic Principles of phonology». В. Blackell, 1985.
3. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры – М., 1990.
4. Борисова Л.И. Лексико-стилистические трансформации в англо-русских научно-технических текстах. – М., 1981.